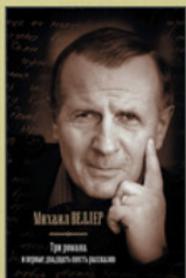

Михаил Веллер

Чужие беды

*Часть сборника
Три романа и первые двадцать
шесть рассказов (сборник)*

Михаил Иосифович Веллер

Чужие беды

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=120130

Веллер М. Три романа и первые двадцать шесть рассказов: АСТ,

Астрель; Москва; 2011

ISBN 978-5-17-071874-0, 978-5-271-33803-8

Михаил Веллер

Чужие беды

Близился полдень, и редкие прохожие спасались в тени. Море блестело за крышами дальних домов, а здесь, в городе, набирали жар белые камни улиц.

Базарное утро кончалось. Оглушенные курортницы слонялись в чаду шашлыков среди яблок и рыбы.

Резал баян.

Безногий баянист в тельнике набирал неловкую дань у ворот.

Один оглядел калеку, пожал плечами. Выходя с горстью тыквенных семечек, сплевывая в пыль их бледные облатки, опустил в черную кепку червонец.

– Вот... – растрогался баянист. – Спасибо, браток!..

Человек стоял, чуждый жаре, сухощавый, в светлом с иголочки костюме и ярком галстуке.

– Из моряков сам?

– Нет. Сделай «Ванинский порт».

...Он вернулся с коньяком. Подстелив газетку, сел рядом. Инвалид достал из кошелки стакан и четыре абрикоса.

– Прими-ка.

Выпил с чувством, глаза прикрыв: «Эх, дороги!..» – рванул.

Человек слушал: «Амурские волны», «В лесу прифронто-

ВОМ».

– Сделай еще что-нибудь. «Таганку» можешь?

Отмерили еще.

Рукопожатие заклешили:

– Виктор.

– Гена. «Виктор»... победитель, значит... – пояснил. –

Топчи землю крепче, победитель! – принял.

– В точку, – налил себе ровно:

– Чтоб руки не подвели, верно?

– Руки-то служат покуда, – баянист сплюнул, закурил. –

Ты сам-то командировочный, или отдыхаешь здесь?

– Командировочный.

– А специальность какая?

– Специальность? Научный сотрудник. Биолог.

– Из Москвы?

– Из Харькова, – улыбнулся легко.

Звякнул в кепку гривенник.

– А вот скажи мне, Виктор, такую вещь: ты с большим образованием человек, ученый, а вот пьешь со мной, сел рядом?

– Да захотелось.

Гена пересыпал мелочь в мешочек, оставив в кепке несколько монет.

– И много выходит?

– До червонца и больше.

– Куда тебе – пьешь?

– Мне для дела... – наставительно.

– Какого дела?... – плеснул остаток.

Коньяк был крепок, да крепко жгло солнце, человек молчалив без жалости, и Гена скоро поведал свою историю, где была деревня на севере, красавица жена, новороссийский десант и много тяжких раздумий.

Человек посоображал.

– Бабе, значит, отсылаешь?

– Жене, Витек, жене.

Витек посвистал.

– Хочешь слово? – дуй к ней.

– Неправильно. Обрубок... Я ж, Витек, первый парень был: работник, гармонист, чуб в золоте... Анька из всех самая. Поначалу-то... Позору – девки завидовали...

– Ну так!..

– Со стороны... а в доме калека – обуза скорая. Ждать-то – иначе в представлении. Да более двадцати прошло – что ждать...

Он установил баян: «Эх, дороги...»

– А может, думает, сошелся я с кем. Так тогда не посылал бы... Хоть и из разных городов с людьми – чует поди... А что я могу...

Человек следил движение чаек над бухтой.

– Покой души за деньги имеешь?... – спросил он.

– Не имею, – сказал безногий. – И обиды моей тебе не достичь, хоть поил ты меня. – И вынув из кошелки заткнутую

бутылку, налил молодого вина.

– Обида... – Человек пожал плечами, выпив. – Не люблю просто, когда бздят.

– Бздят, – прошептал безногий...

В молчании и зное, в охмелении, глаза его навелись в свою даль.

– Вот ты скажи, Витек, ты ж образованный, – заговорил себе тихо и быстро, – отчего ж запутанно все так... Ах, браток, как запутанно-то оно все! Получается вот: верность там, любовь, навязываться не желает – благородно выходит... по совести же вроде... И так оно! – да только это разве... Если бы я, конечно, к ней сразу поехал. Так ведь думал же все, как тут не думать... дни и ночи все думал. Извелся; решусь, думаю, успокоюсь, – напишу тогда все, да и двину. А пока-то ничего не писал. Играть вот как-то пока сам стал. Деньги стали, значит – я ей-то деньги и послал пока; себя ни фамилии, ничего не указал. Молчал столько – так теперь подкоплю, сообщу все сразу, и поеду. Сам колеблюсь, конечно, иногда сомневаюсь... но все же думаю: поеду; успокаиваюсь в решении этом, привычная мысль становится, что все же поеду. Деньги пока еще послал. И вместе с мыслью этой привычной – время-то идет! – и жизнь моя мне привычная становится! Время-то идет! а я все откладываю – и привыкаю! Привыкаю!.. Да ехать же надо, подумаю! уж какой есть, нешто не примет? еще слезами умоется в счастье, что живой, да вернулся. Руки у меня хваткие, соображение тоже имеется, –

прокормимся. А то – как представляю жизнь эту жалостливую, – да хрен ли мне в этом, думаю... А сам это время все больше привыкаю!.. Деньги есть легкие, в обед выпил, утром похмелился, – душа наша матросская, когда мы сдавались! Так что я?.. работать уж и забыл, выпить есть с кем... подумашь когда: а нравится ведь жизнь-то такая... вот страшно что – нравится! Щемит только: она-то ждет там, мучится... а самому-то и приятно в то же время, что вот ждет она и мучится... и жутко даже от того, что приятно это... Хоть бы, думаю когда, разыскала как-то сама, увезла бы! – а ведь упирался бы еще, и благодарен был бы до гроба – а и куражился... И что за черт такой сидит – представишь, что делает она тебе как сам же хочешь – и что-то в душе сопротивляется! И себя жалко – и ненавидишь порой, и ее жалко – и тоже ненавидишь, что есть она на свете, любит еще поди, и опутана, связана душа любовью ее этой. Хоть бы, мечтаешь, был ты один-одинешенек на свете, и всем-то наплевать, и ни перед кем ответа держать не надо; вот душа-то свободна как птица была бы, вот было бы счастье-то! Да хоть бы, думаю когда, померла она, мне все легче стало бы; грустил бы в думах, и покой был бы душе, и облегчение. Хоть бы забыла меня совсем, совсем! А представишь так – и тоска-злоба наваливается: хочешь ведь, чтоб мучилась она по тебе – а сам же жизнь отдать готов, только б мучений ее этих не было! Как же это так человек-то устроен?.. Иногда кажется – все же я правильно, хорошо решил. Может, вышла она давно за хо-

рошего человека, дети уж большие; на ней глаз многие держали. Счастья иногда просишь ей и плачешь... А зачем тогда я посылаю-то ей? Я здесь, как собака, а она поплакала да забыла? – ну нет... злоба берет!.. А и обратно – ведь прожила б уж она как-то без денег моих, – зачем же я душу-то ей рву, о себе напоминаю?.. Да что ж теперь... свыкся со всем, свыкся. Это все поначалу больше... а дальше все по привычке становится. У меня ведь и кореша есть, и бабы тоже бывают; жизнь – она ведь у всякого жизнь. И только хочется все же, наверное, чтоб уверилась она, что нет уж меня давно на белом свете... чтоб успокоилась бы душа ее, – и моей бы тогда спокойней было.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.